

Влад Южаков

Личные вещи

СТИХИ

...и можно блюсти непорочность и честь,
а можно нажраться в дрова,
но жизнь такова, какова она есть,
и более не какова.

Влад Южаков

Личные вещи. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26712693

ISBN 9785448571862

Аннотация

Стихи Южакова – та твёрдая платформа, которую многие любители поэзии ищут, которой многим не хватает. Среди массы эпитетов, которые обычно используются в отношении творчества, к поэзии Южакова хочется применить такой: «своевременная». Да, это именно так. Как никогда сейчас нужны качественные стихи для самого разного читателя. Произведения Влада этому эпитету полностью соответствуют. Сергей Журавель

Содержание

Личные вещи	7
Странные сны	9
Чашка	11
Мост	13
Генеральская дача	15
Мёртвые поэты	17
Спина	19
Честно	21
Эта женщина	22
Золушкин стриптиз	24
Часовщик	25
Курортник	28
Русская матрица	30
Аэропорт	32
Я обвиняю	33
Реверсия	35
Пропавшее слово	37
Удушье	39
Событие	41
Апокалиптерское	43
Любовь и Смерть	45
Не те времена	48
Незаконченный сеанс	50

Гвоздика и корица	52
Переводчик	53
Предсказание	57
Кирпич	58
Серый ослик	60
Неместное	62
Не новость	64
Прогноз погоды на завтра	66
Примерка	67
Пелагея и Ездец*	68
Одноклассник	70
Остановка	72
Синдерелла	74
Снаружи и внутри	76
Душа поэта	78
Конъюнктура	80
Отлучение	82
Памятка	84
Болотная сага	85
Антракт	87
Последний танец	89
Стихийное бедствие	91
Пустота	93
Зимний сказочник	95
Где же ты?	97
Происшествие на мосту	99

Оборотни	101
Брюссельский вопрос	103
Стеклянный ангел	105
Роман	108
Обратная сторона немоты	110
Как я провёл лето	112
Мираж	114
Сухой остаток	115
Живи	117
Эффект Моцарта	119
Соседкино лицо	121
Не будите хомячка	122
После бани	124
Тюфяк	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Личные вещи

Стихи

Влад Южаков

© Влад Южаков, 2017

ISBN 978-5-4485-7186-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Личные вещи

Когда его терпение иссякло,
И стало жить совсем невыносимо,
Он вышел из себя и по вселенной
Помчался вдаль мерцающей звездой.
А тело без него мешком обмякло
И виделось чужим и некрасивым.
И всё, что было, показалось брэнной
И никому не нужной ерундой.

Внизу вокруг него кипели страсти:
Там в трубки телефонные орали,
И про уколы в сердце говорили,
И делали дыхание рот в рот.
А он парил в невиданном пространстве,
Пронизывая времени спирали,
И пребывал в нездешней эйфории.
Но всё ж вернулся, сделав поворот.

Пришел в себя, порылся торопливо,
Забрал в былом двенадцать точных строчек,
Шесть добрых слов, четыре главных встречи,
Пейзаж в окошке с видом на прибой,
И твой давнишний взгляд – ещё счастливый,
Внимательный, влюблённый и порочный.

И вышел вон. Теперь уже навечно.

И дверь прикрыл тихонько за собой.

Странные сны

Бахтиёра измучили странные сны:
Будто он дворянин, будто он генерал,
И ему император огромной страны
Поручает войну на Востоке. Ура!

Генерала в поход собирает жена:
«Это ужас – без ванны, в крови и в грязи...
Понимаю, какие гостинцы... Война!
Но подарок с изюминкой всё ж привези».

Оставляя на пыльных дорогах следы,
За колонной колонна шагают войска
В те края, где всегда не хватает воды,
Но в избытке верблюдов, жары и песка.

А когда впереди показались враги,
Под разрывы картечи и маты команд
Генерал направляет в атаку полки
И решительным штурмом берёт Самарканд.

Откупиться желает коварный эмир.
Генерал благороден, но грозен: «Шалишь!».
И везёт императору славу и мир,
А красотке-жене – самаркандский кишмиш.

Возвратившись в столицу, идёт во дворец —
Получать за победу разнос от царя.
Он мечтает спокойно поспать наконец,
А вельможи вокруг говорят, говорят...

Генералу пора, он глядит на часы,
Но какой-то зарвавшийся пьяный майор
Преграждает дорогу, топорща усы:
«Регистрацию мне предъяви, Бахтиёр!».

Он садится на койке в холодном поту.
За промёрзшими стёклами вьётся метель.
Он не может понять, отчего ерунду
Видит каждую ночь, утыкаясь в постель.

Бахтиёр обдаёт кипятком «Доширак».
Испарилась бесследно дворянская статья.
Он выходит из дома в четыре утра
И Дворцовую площадь идёт подметать.

Чашка

Вроде, только вчера алым шёлком осины рдели,
А сегодня лишь кружевом чёрных ветвей качают.
Как мучительны ночи в холодной, пустой постели...
Раз опять до утра не уснуть, то хоть выпить чаю...

И она поспешила на кухню в ночной рубашке,
На конфорку поставила чайник и газ включила.
И достала из шкафа чудесной работы чашку —
Ту, что он в феврале подарил ей на годовщину.

Был фарфор удивительно тонок, почти прозрачен,
И блестел золотой ободок волоска не шире.
И неважно уже, кто тогда эту ссору начал,
Если нынче так пусто и тихо в большой квартире.

По каким океанам мотает её скитальца?
Сколько можно в подушку бессильно рыдать ночами?
И она всё крутила изящную чашку в пальцах,
И безмолвно пыхтел на плите полусонный чайник.

А когда телефон затрезвонил, в мгновение ока
Тишину распугав, пустоту разорвав на части,
Чашка звякнула об пол, разбившись на сто осколков...
Может, люди не врут, утверждая, что это к счастью?

Мост

Он мякиш бросает на лёд с моста
И шёпотом жарко взывает: «Боже!
Как я ненавижу все эти рожи...
Я всех бы убил, чтоб начать с листа!

Какую бы я причинил им боль!
Дай, Господи, силы начистить морду
Любому из них, разнести всё к чёрту!».
И Бог отвечает: «Ну что ж, изволь...».

С утра потеплело, и снег раскис —
Тяжёлая, серая в комьях каша.
«Четвёртый, нас мочат! Где, сука, наши?!», —
По радиосвязи орёт танкист.

И слышит сквозь грохот: «Назад нельзя!
Тебе на подмогу послали роту!».
Он видит из люка скульптуры Клодта.
Он слышит: «Минута – чтоб мост был взят!».

На грязном мосту удивлённый конь
Таращит глаза на колонну танков —
Машины на Невский ползут с Фонтанки,

Нестройно ответный ведя огонь.

Но первый в колонне уже горит,
Стволом упираясь в фасад старинный.
Осколки и пули секут лепнину,
И сыплется гипс на сырой гранит.

Танкист получает приказ: «Вперёд!»,
А вслед за приказом – осколок в ухо.
Стучат пулемёты незло и глухо,
Роняя фигурки людей на лёд.

Танкист обмякает. В предсмертном сне
Он, брызгая кровью, хрипит: «Конечно...
Всё так неустойчиво, так не вечно,
Как этот размокший декабрьский снег»...

Мираж растворился, и прежний вид
Вернулся: прохожие, грязь, окурки...
И он, изумлённый, в промокшей куртке
С батоном в руке на мосту стоит

И хлебные крошки бросает вниз,
Туда, где по льдине гуляют утки.
А в пробке на Невском гудят маршрутки.
С утра потеплело, и снег раскис.

Генеральская дача

Генеральская дача стоит за высокой оградой —
Ну, не любит хозяин себя выставлять напоказ...
Никого из чужих, а внутри тишина и прохлада.
И задёрнуты шторы от слишком внимательных глаз.

Вот и нынче на чёрной служебной машине подъехал,
Безучастно взглянул на гуляющий в шортах народ,
Ухмыльнулся собачьему лаю и детскому смеху,
И исчез во дворе за железом тяжёлых ворот.

А на улице август – палящее солнце в зените.
Отгремела гроза и куда-то бесследно ушла.
И ни облака в небе – лишь две размахрénные нити
Тянет ввысь за собой самолёта стальная игла.

Это лето окрашено в жёлтый, зелёный и синий.
Этим летом, похоже, не в моде другие цвета.
И на тысячу вёрст – одуряющий запах полыни,
И дождевики блестят на отмытых от пыли листьях.

И пока не с руки вспоминать про снега и морозы,
Детвора по ночам залезает в чужие сады,
Над высокой травой пролетают шмели и стрекозы,
И срываются с веток созревшие к сроку плоды.

Если б людям почаще вдыхать ароматное лето,
Больше было бы счастья и реже бы грызла тоска...
Генерала нашли на ковре – с именным пистолетом,
В орденах и медалях, и с дыркой в районе виска.

Мёртвые поэты

В погожий полдень, посреди недели,
Купив пол-литра водки на обед,
Два гражданина в рюмочной сидели
И выясняли, кто из них поэт.

Один махал рукой: «Неправ был классик,
Считая, что прекрасен наш союз!
Я с ним принципиально не согласен,
И говорить об этом не боюсь!

А всё из-за колхозных менестрелей
И прочих рифмоплётов от сохи,
Что букваря ещё не одолели,
Но без стыда берутся за стихи!

Нигде от вас, невежд, спасенья нету,
Плебеи, графоманы, алкаши!
Увы, но лишь почившие поэты
Талантливы, умны и хороши!».

Второй сверкал глазами: «Осторожней!
Не распугай гекзаметром народ!
Не лезь в литературу с умной рожей,
Раскрепощённый нравственный урод!

Люблю принять на грудь, и не скрываю!
Но что с того, что я бываю пьян?
Зато моя поэзия – живая!
Её поют на праздник под баян!

А вы высокомерные эстеты —
Вам изъясняться внятно не дано!
Да, без сомнений, лучшие поэты
Наш грешный мир покинули давно!».

Мог диспут завершиться мордобоем,
Но спор кассирша Галя прервала:
«Я вас, козлов, убью сейчас обоих
За гнусные и подлые дела!

Кто здесь побил посуду прошлым летом?
Вы – перегной, навоз, гнилая слизь!
Дерьмо собачье вы, а не поэты.
А лучшие ещё не родились».

Скандал затух. У Гали, если честно,
Удар такой – костей не соберёшь...
Усопший гений – это очень лестно,
Но лучше быть живым, едрёна вошь...

Спина

Ливень тяжёлыми каплями бил в стекло.
Он закурил сигарету, взглянул в окно.
Там, за окном, было мокро и с крыш текло.
Здесь было душно, томительно и темно.

Чтоб не спугнуть ненароком ночной покой,
Сзади тихонько его обняла она
И осторожно прильнула к спине щекой.
Ей целый свет заменяла его спина.

В жизни, где буйствует ветер, где дождь стеной,
Где облака закрывают небес лазурь,
Всё ненадёжно. И лишь за его спиной
Можно укрыться от самых жестоких бурь.

И безразлично, что там у других, извне —
Рушится мир, или просто гремит гроза.
Всё, что ей нужно – прижаться к его спине,
От ощущения счастья прикрыв глаза.

Он докурил, повернулся спиной к окну,
Женские слёзы представил в который раз,
И прошептал: «Обожаю тебя одну»,
Вновь не придумав для правды достойных фраз.

Честно

В серых дворах неуют и слякоть,
Но не они убивают счастье.
Если опять захотелось плакать,
Стоит ли в этом винить ненастье?

Глупо причину искать снаружи,
Если беда изнутри ломает.
Разве ноябрьская мука хуже
Той, что была в феврале и в мае?

Время, увы, никого не лечит.
Вижу – тебе нестерпимо больно.
Но иногда, чтобы стало легче,
Надо всего лишь сказать: «Довольно!».

Ты же когда-то сама учила —
Нужно во всём признаваться честно.
Если считаешь меня причиной,
Вымолви слово, и я исчезну.

Эта женщина

На пути этой женщины нет преград.
Кто заставит её повернуть назад?
Ей не стоит усилий цветущий сад
Превратить за секунду в крошечный ад,

И напротив, бушующий ураган
Обратить мановением в мёртвый штиль.
Я от сердца желаю её врагам
Убегать без оглядки за сотню миль —

Ни к чему добиваться опасных встреч,
Приносящих противникам лишь беду...
Я же тенью, безвольно теряя речь,
Очарован и кроток, за ней иду.

Всё равно, хоть на Запад, хоть на Восток,
Сквозь дожди, снегопады, самум и смог —
Лишь бы снова почувствовать этот ток,
Что бежит от макушки до пальцев ног.

Эта женщина – утренний лёгкий пар,
Но как только решительно вскинет бровь,
Сокрушительный жди от нее удар,
От которого брызнет по стенам кровь.

Мне не стыдно признаться, что я слабей,
Что при ней не способен владеть собой.
Если скажет однажды: «Иди убей!»,
Я без страха вступлю в беспощадный бой.

Пусть она без раздумий любую твердь
Обращает в туманные миражи,
Я хочу с этой женщиной умереть,
Я хочу с ней воскреснуть и снова жить.

Золушкин стриптиз

Она в гримёрке к зеркалу присела,
Салфеткой стёрла губы и глаза.
«А ну, вернись на сцену, Синдерелла! —
Шумел за дверью распалённый зал, —

Ещё разок, раздвинь, кисуля, ножки —
Изобрази нам стрелки на часах!».
И стало ясно – дальше невозможно
Ни слышать похоть в пьяных голосах,

Ни на пилоне до утра кружиться,
Кривляясь перед потными людьми...
Она сняла парик, надела джинсы
И превратилась в Настю из Перми.

Настенные часы пробили полночь,
Когда она в распахнутом пальто
Порхнула через зал. И в зале полном
Её без грима не узнал никто.

Часовщик

15.00

Потею в мастерской часовщика.
На улице рождественская сырость,
А здесь жара крошечная. Пока
Терпимо, впрочем. Бутерброды с сыром,
Салат, паштет, кружочки колбасы...
У гения пружин и шестерёнок
Обед. На стенке тикают часы.
Я молча жду. Пронзителен и звонок
Скучающего маятника шаг:
Туда... Сюда... Тягучие минуты
Уходят в прах под мерный стук в ушах.
И в такт часам, размеренно и нудно
Мой визави глотает бутерброд.
Потом идёт холодная котлета,
И кружку чая всасывает рот...
Я жду с моим поломанным браслетом,
Пока он не закончит свой обед
И в шкаф не уберёт тарелку с вилок
(До этих пор молчания обет
Даю, поскольку рано лезть в бутылку).
А он хватает ломтик ветчины,
Лежащий под румяным сдобным тестом,
И даже объявление войны

Его сейчас навряд ли сдвинет с места.

16.30

Он ест, не замечая никого,
Чтоб мне и прочим смертным было ясно:
Он – Времени хозяин полновластный!
Причём, что характерно, моего...
И что ему падение комет,
Приток мигрантов, акты терроризма
И даже часовые механизмы
На фоне недоеденных котлет?
Устои мироздания поправ,
Он смотрит вдаль бесстрастно и бесцельно,
Забив на всех и каждого отдельно.
Эй, часовщик, а ты, пожалуй, прав...
Смешная жизнь с сумою на плече —
Ты мне награда, или же расплата?
Вот на стене часы без циферблата
Идут. Куда? И главное – зачем?
Как жаль впустую прожитые дни!
Но пробил час – вставляю ногу в стремя.
Отныне мне не наплевать на время!
Часовщика беру за воротник
(Застиранный халат трещит по шву)
И тычу носом в грязную посуду:
«Обед давно закончился, паскуда!».
Ах, если б это было наяву...

17.00

Но за окном по-прежнему зима,
А здесь, уже, похоже, дело к лету.
И часовщик опять жуёт котлету.
И я стою. И на плече сума.

Курортник

Прекрасны попа, грудь, лицо...
Вот, кто достоин быть венцом
Природы!
Изгибы бёдер, влажный рот...
Кульков подумал: «Не курорт —
Дом моды!».

Без шансов – слишком он коряв...
Скорбит в шезлонге, потеряв
Дар речи.
Но чу! Его манит рука:
«Давайте выпьем коньяка
За встречу».

Кульков в восторге: «Вашу мать!
И я сумел за хвост поймать
Удачу!».
Но всё испортила жена:
«С утра не сделал ни хрена
На даче!

Зато поддатый каждый день!
Нет, объясни, куда ты дел
Зарплату?».

Кульков, очнувшийся от грёз,
Вздохнул и вновь воткнул в навоз
Лопату.

Русская матрица

Васильков двести грамм коньяка заказал —
Отправление поезда лишь через час.
Вдруг подходит Морфеус, и смотрит в глаза,
И пилюли суёт, благородством лучась:

«Сделай правильный шаг – или в ад, или в рай.
Ошибиться на этом пути не моги!
Это твой исключительный шанс! Выбирай —
Или в Беверли-Хиллз, или в Нижний Тагил».

Васильков озадачен: «Да ну, ерунда...
И потом, я же даже с тобой не знаком!
Да к чему мне? Ну что я, пилюль не видал?
Подожди, дай хотя бы запью коньяком...».

Он покорно пилюлю с ладони слизал,
И немедля вокруг начались чудеса:
Задрожали кабак и Казанский вокзал,
Заплясали салфетки, коньяк, колбаса,

Растворились перроны, пути, поезда,
Пассажиры, таксисты, таджики, менты...
Он за всю свою скучную жизнь не видал
Ни такой глубины, ни такой пустоты!

Он очнулся с разбитым лицом – без пальто,
Без билета, без паспорта, без кошелька,
Без портфеля и без телефона. Зато
В телогрейке, трико и фигурных коньках.

Он поплёлся по свалке, натужно дыша,
Безнадёжно хромя на обе ноги,
И подумал, взглянув на суровый ландшафт:
«Не свезло... Значит, всё-таки, Нижний Тагил...».

Аэропорт

Пятнами света на взлётке блестит
Бетон.
Умерло лето. О нём погрустим
Потом.

Слякоть и ветер. В припухших глазах
Печаль.
Штамп на билете. Не вздумай сказать
«Прощай».

Мокрыми хлопьями падает снег
На плащ.
Осень не значит, что нас больше нет.
Не плачь.

Это не самая главная боль —
Дожди.
Я обязательно буду с тобой.
Дождись.

Я обвиняю

Чтобы найти виноватых,
Много раздумий не надо.
Ну, согласитесь, ребята —
Эти паршивые гады

Делают невыносимой
Жизнь позитивную нашу.
Либо условный Василий,
Либо конкретная Маша

Топчут ночами и днями
Счастья и радости всходы...
Кто-то во всём обвиняет
Тех, кому власти охота,

Кто-то клеймит радикалов,
Кто-то – народную массу,
Кто-то – циничных нахалов,
Лезущих первыми в кассу,

Кто-то – монгольское иго,
Кто-то – советские годы,
Кто-то – футбольную лигу,
Кто-то – плохую погоду,

Кто-то – стервозу-супругу,
Кто-то – соперницу-сучку,
Кто-то – богатого друга,
Давшего в долг до получки,

Кто-то – подростков лохматых,
Кто-то – начальника-гнуса.
Каждый себе виноватых
Сам выбирает по вкусу.

Я как другие – я тоже
Выберу бедствий причину.
И обвиню нехороших
Скупщиков швейных машинок.

Речь моя будет простая:
В харю паскудников, в харю!
Не, ну реально достали!
Не, ну а чо они, твари?

Все виноваты и каждый!
Жить среди них невозможно.
Как провинились? Неважно.
Это придумать несложно.

Реверсия

Когда бы мне, ну, скажем, лет в семнадцать,
Поведали про то, каким я буду
Себя считать – солидным, нужным, важным,
Авторитетным, значимым, весомым —
Я вряд ли стал бы шумно восторгаться
И радостно кричать: «Какое чудо!»,
Но изложил бы мысль семиэтажно
Об отращении к моей персоне.

А после, отдохнув от рвотных спазмов
И вытерев с губы следы морковки,
Спросил бы у меня: «Ну, что ж ты, Владик?
Как можно было столько лет профукать?
Ведь ты же пионером был прекрасным,
И сессии сдавал легко и ловко!
Чего же дальше с жизнью не поладил?
Где праздник? Отчего тоска и мука?».

И я бы так ответил мне, подростку:
«Да что-то... В общем... Ну, не получилось...
Хотел, как лучше – вышло, как обычно...
Не стоят ни гроша мои медали...
Да ты вообще, пацан, наглеешь просто!
Ты на кого орёшь, скажи на милость?!

Не смей при мне ругаться неприлично!
Вот поживёшь с моё...». Ну, и так далее.

Потом бы я со мной уселся рядом,
И рассказал бы, разливая пиво,
Что, мол, не так печальна жизни повесть:
«Другие вон чего! А я-то ладно...
А про мечты забытые не надо.
Да, не случилось жизнь прожить красиво,
Но не ушёл ещё последний поезд,
Который – лишь вперёд, но не обратно».

И кто-то вертит жизнь назад, как плёнку:
Там, нагреваясь, кровь втекает в раны,
Предатели становятся друзьями,
Светлеют мысли, волосы темнеют,
Мужчина превращается в ребёнка,
Цинизм – в надежду, твиты – в телеграммы...
И зритель плачет тёплыми слезами,
Не становясь ни чище, ни умнее.

Пропавшее слово

Иди ко мне, моя голуба...
Ну что с того, что я старик?
Ещё своих четыре зуба,
И не засалился парик.

Да, мне давно не восемнадцать,
Но жарких девок тебе,
Горю огнём! Хочу признаться
В том, что безудержно тебя...

Могу? Умею? Нет, не это...
Покуда ждал с букетом роз,
Забыл, о чём твердят поэты
В признаньях женщинам... Склероз!

Хочу? Опять не это... Словно
Проведена в мозгу черта,
И за чертой пропало слово!
Не видно слова ни черта!

Лишь помню – вышел на аллею,
Под горло застегнув пальто...
Имею? Пользую? Жалею?
Где я? Зачем мы здесь? Ты кто?

Удушье

Когда внезапно сдавит грудь
Большая каменная глыба,
Когда не сможешь продохнуть,
Глотая воздух, словно рыба,

Не говори мне про народ,
Что угнетён Неспящим Оком —
Перекрывают кислород
Не там, вверху, а здесь, под боком.

Мы от таких, как мы, бежим,
Надсадно грезя счастьем личным.
И политический режим
До безразличия вторичен.

Не от растоптанных свобод
С тобой случается удушье,
А от просчитанных забот
И рассуждений благодушных

Тех, кто «желая нам добра»,
Даёт «полезные советы».
Они – большие мастера
Ограничений и запретов.

И в этом вся твоя беда,
Что надо крикнуть: «Дайте роздых!
Мне душно с вами, господа!»,
Но выйти некуда на воздух.

Нам не сбежать от нашей лжи —
В мир правды не оформишь визу.
А ты мне говоришь – режим...
Режимы создаются снизу.

Событие

Что это? Фортуны ли вольности?
Планида ли? Божья ли милость?
В Запрудженске Туевской области
Событие вдруг приключилось:

На улице Трубопрокатчиков
Вчера в половине шестого
Хвостов оглянулся на Вячека,
А Вячек взглянул на Хвостова.

Носились детишки без устали,
Сушилось бельё на балконах,
Мамаши с тяжёлыми бюстами
Скучали в проёмах оконных,

В дорожной пыли озабоченно
Копалась свинья у забора,
Ползли вереницей рабочие
С завода электроприборов,

Старушки гоняли собачников
По травмам газона густого...
«Утырок», – подумалось Вячеку.
«Ушлёпок», – скривило Хвостова.

Фаланги суставами хрустнули
И вздулись сосуды на шеях.
Томясь ожиданиями грустными,
Запруженск затих в предвкушеньи.

И тут бы услышать историю
Про сломанный нос или руку...
Но Вячек с Хвостовым не спорили
И морды не били друг другу,

А только на долю мгновения
В глаза посмотрели сурово.
И каждый в своём направлении
Ушёл подобру-поздорову,

На свежих коровьих фекалиях
Оставив следы от сандалий...
И больше такой аномалии
Запруженцы не наблюдали.

Апокалиптерское

Ну как тут не опустишь руки?!
Кряхтит в тоске моя страна —
Опять ее отдали, суки,
За чарку хлебного вина.

И нет в Отечестве прохода
От политических б... ей
(Вдобавок я узнал по ходу,
Что Иисус был иудей)...

Страна, ты так погрязла в лени,
Что очи лезут из орбит!
И молодое поколение
От бездуховности скорбит...

Россия больше не рожает
Румяных радостных детей!
И евро снова дорожает.
И Иисус был иудей.

Доходы падают всё ниже.
Сосед – подонок и урод.
И не читает больше книжек
Наш богоброшенный народ.

И наблюдать уж нету мочи,
Как богатеет богатей.
И коньяку не купишь ночью.
И Иисус был иудей.

Бокал политтерпенья выпит!
Режим достал до самых гланд:
Набил оскомину Египет,
Но денег нет на Таиланд!

В эфире звёзды крутят шашни,
Начхав на мнение людей
(Но что на самом деле страшно —
Что Иисус был иудей!)...

В Приморском крае – сплошь китайцы,
Но рыба тухнет с головы...
И вот уж тянет к горлу пальцы
Проклятая рука Москвы...

Шагает в пропасть Русь Святая,
И близок власти паралич.
И злые языки болтают,
Что Пётр Великий был москвич...

Любовь и Смерть

Под небом синим
Ничто не вечно.
Любовь красива,
Но быстротечна.

Я восхищался
Твоей Любовью!
Увы, но счастье
Чревато болью...

А мы любили
Друг друга всюду:
Средь роз и лилий,
Среди посуды,

На раскладушке,
На табурете,
Под мойкой, в душе
И в туалете,

В прихожей, в детской,
В старинной вазе,
Под занавеской
И на паласе,

И на кровати,
И на балконе,
И на салате,
И на беконе...

Откуда ж речи
Из уст прекрасных,
Что наша встреча
Была напрасной,

Что хватит телу
Кружиться в танце?!
Ты улетела,
А я остался...

И все пропало.
И все погибло.
В любви – опала.
В судьбе – могила.

Денёк весенний —
Исчадьё муки!
И нет спасенья
Влюблённой мухе!

В паучьей сетке
Застряла лапка...
И Смерть с газеткой

Крадётся в тапках...

Не те времена

Слышал, люди, что ропщете: «Жизнь трудна»,
Что главу сельсовета послали на...
Не нервируйте душу, смирите плоть —
По заслугам всегда воздаёт Господь.

Протекает по-Божески жизнь в стране:
Если мыться не любишь, сиди в говне.
Если пропил ботинки, к чему носки?
Если есть телевизор, на кой мозги?

Если жрёшь шаурму, то какой хамон?
Если в кайф одному, то зачем кондом?
Если хочешь домой, не дразни ОМОН.
Если любишь дразнить, не жалея потом.

Я вот тоже люблю не особо как
Пионеров крестить, отпевать собак,
Привечать бандюков посреди икон...
Но приказы начальства для всех закон.

Так что полно вам, братие во Христе,
Возмущенно вопить: «Времена не те» —
Никому не позволит болтать страна,
Что иные случаются времена.

Поздним вечером вышел из дома поп,
Оглянулся, надвинул картуз на лоб,
Застегнул телогрейку, надел рюкзак,
Карабин, патронташ... И когда гроза

Полыхнула зарницами над мостом,
Троекратно сельпо осенил крестом,
Проворчал: «Времена им, чертям, не те...»
И ушёл безвозвратно в ночную темь.

Незаконченный сеанс

Кока-кола разбавлена водкой. Забудь о попкорне.
Этот фильм – чёрно-белый, а значит, попкорн не для нас.
Европейским привычкам препятствуют русские корни,
В воспалённом мозгу когнитивный будя диссонанс.

Дремлют южные сфинксы под пасмурным северным
небом.

Для артхаусной ленты сюжет сочинил драматург
Про нелёгкую долю забытого солнечным Фебом
Гражданина с диковинным именем Санкт-Петербург.

На экране в разгаре глубокая личная драма:
Бледнокожий герой по сценарию чуть не в себе —
То ли скачет давление, то ли покинула дама,
То ли просто свихнулся, тоскуя по лучшей судьбе.

Раздвоение личности не излечить, не отбросить —
Можно только принять, ощущая любовь через боль.
Он безмерно устал в эксклюзивном костюме от Росси
С маргиналами в грязной парадной глотать алкоголь.

Он устал от рождения быть не таким, как другие,
Слышать вечный диагноз: не Запад, мол, и не Восток.
Он бормочет под нос: «Ну-с, пора, господа дорогие...»,

И в полуденных сумерках тускло блестит водосток.

Мрак и сырость. Погода, похоже, вконец доконала.
Это может случиться со всяким в канун Рождества.
Он вскрывает худое запястье Обводным каналом
И глядит, как на скользкий асфальт вытекают слова...

Нескончаемо словоточит обнажённая рана,
Но черёд заключительных титров ещё не пришёл.
Мы из тьмы зачарованно смотрим на плоскость экрана.
Кока-кола разбавлена водкой, и нам хорошо.

Гвоздика и корица

Вино, лимон, гвоздика и корица.
Душистый перец и обычный, чёрный.
Всей этой смеси надо повариться,
И, будучи проглоченной, печёнок

Достигнуть. И прогревши всякий орган,
Родить медвяный дух в озябшем теле,
Чтоб с ощущеньем тихого восторга
Мы дальше не пошли, а полетели

По мостовым средневековых улиц.
Не торопись. Поближе подойди-ка,
Чтоб наши губы в поцелуй сомкнулись.
Чудесный вкус. Корица и гвоздика.

Переводчик

Стучатся десять раз на дню...
Но кто б ты ни был – bienvenue.
Да вижу, что не из собеса...
Бери стакан, садись к огню
(Лишь алкоголь в моем меню) —
Давно хотелось выпить с бесом.

Ну, наливай же, мать твою...
Как я живу? Да как в раю —
Вдали от общей канители
Сиж у жизни на краю.
Смотрю в окно и водку пью
Уже четвертую неделю.

И пятый год живу один.
Mais ce n'est pas une tragedie —
Люблю, чтоб тихо, как в пустыне.
Но там жара, а тут дожди
(Сюда бы рифму «подожди»,
Но глупо ждать, коль водка стынет).

Не хочешь водку – вот вино.
И выпьем, как заведено,
Без лишних слов и без закуски

За это скучное кино
(Ну, согласишься, что жизнь – говно.
Pardon, mon cher, за мой французский).

Взгляни в окно! Увидь в окне
Плохое слово на стене,
Бомжей, помойку, сор в пакете,
Дерьмо собачье по весне...
И лишь отрадно слышать мне,
Что во дворе играют дети.

Их папы к истине глухи —
Им подавай «ха-ха», «хи-хи»,
Сто грамм да голое колено.
Живут, плодят свои грехи...
А я перевожу стихи!
Кого? Вийона... э-э-э... Верлена!

Да я пишу, как пироги
Пеку! Но не дают враги
Заказ на переводы текстов.
День ото дня растут долги,
Но не лизать же сапоги,
Не целовать же в это место...

А всё ж я крут! Не страшен кнут!
Интриги пусть себе плетут
Шалавы от литературы...
Ведь за плечами институт,

А на груди, вот тут... Нет, тут —
Значок работника культуры!

А вот теперь скажи мне, чёрт,
Как там, за гранью, жизнь течёт?
Суров ли быт аборигена?
А наши слава и почёт
На небесах идут в зачёт?
Не небеса? Ах да, геенна...

Как не идут? Ну, вот те на!
Кресты, медали, ордена —
Что, ни хрена совсем не значат?
А я без отдыха и сна
Твердил великих имена...
А вот поди ж ты – всё иначе.

А впрочем, ладно, не беда.
Скажу тебе не без стыда:
Ну, не люблю я переводы...
И всё, что делал – ерунда.
Переводить туда-сюда —
Скорее, бес, твоя работа.

Уходят дети со двора...
Я понял так – и мне пора?
Ты молчалив, но смысл доходчив.
Жаль, свеч не стоила игра.
Но будь что будет. Çа іга.

Веди. Ведь ты же переводчик.

Предсказание

Ничего не случится. Ну правда, совсем ничего.
Не исчезнут ни боль, ни печаль, ни любовь, ни заботы.
Нет, ну, скажут, увы, мол, не стало еще одного,
Под кутью чуть пригубят компот – и опять на работу.

Всё невнятно – и вроде как жил ты, и вроде не жил,
Пыль пуская в глаза искушённым надломленным дамам.
И когда они верили: «Вот настоящий мужик!»,
Ты развеивал их миражи. А свои – и подавно.

Не насилуй подкорку. Какой ещё нужен итог?
Из реальных поступков, которые стоит итожить —
То, что грязный, больной, на помойке подобранный дог
Мог погибнуть щенком, но издох лет на несколько позже.

Ничего не случится. Я знаю, что я говорю.
Будет солнце, и будут смеяться счастливые дети,
И влюбленные будут встречать молодую зарю.
И никто не заметит. Ведь ты ж мой уход не заметил?

Кирпич

Когда споткнёшься о кирпич в сарае
И похромаешь на приём к врачу,
Не дай себе, от боли умирая,
Испытывать презренье к кирпичу.

Не все ещё тобой раскрыты тайны,
И кровь твоя, как прежде, горяча.
И будущее видится фатальным
Без постиженья смысла кирпича.

Не отвлекайся на рутины мелочь,
Про бытовые трудности не хнычь.
Будь мужиком – решительно и смело
Ответствуй на вопрос: «Что есть кирпич?».

Конечно, он предмет довольно скучный,
Неприхотливый и недорогой.
Разрушь его движением могучим —
На смену одному придёт другой.

Да, он безлик в бесчисленности копий,
Но бесконечен, что тут ни кричи.
И понапрасну не ломая копий,
Признайся – все мы в чём-то кирпичи...

Кирпич в стене – бездушное творенье.
Его не возлюбить и не украсть.
И только лишь свободное паренье
Даст кирпичу и смысл, и суть, и страсть!

Вот он летит орлом с покатою крыши,
Душа его поёт: «Едрёна мать!
Лечу!». Когда ты этот звук услышишь,
То знай, настало время понимать...

Ещё секунда, две, и вот он – рядом!
И попадает в темя с высоты...
И познан смысл. И ничего не надо.
И только вы вдвоём – кирпич и ты.

Серый ослик

Серый ослик по кругу бежит покорно.
Впереди маяком мельтешит морковка.
Можно рядом усесться, набрать попкорна,
И представить: бежит не осёл по бровке —

Одинокий мустанг по равнине скачет,
Догоняя закат раскалённо-рыжий...
Но не тянет хозяйственный скот на мачо —
Слишком он равнодушен, заезжен, выжат.

Слишком он безразличен к своей пробежке —
От процесса ни радости, ни печали:
То ли возит детей в расписной тележке,
То ли просто по трубам дерьмо качает.

Он заснул на ходу и увидел Бога.
Бог на ухо шептал, открывая тайну:
«Никуда не приводит твоя дорога.
И морковка твоей никогда не станет.

С каждым кругом становишься лишь старше,
А пейзаж, сколько вдаль ни гляди, всё тот же.
Брось тележку. На волю скачи скорее!».
От панических мыслей мороз по коже —

Он проснулся от страха... Но, как и прежде,
Перед носом мелькает морковки конус:
«Подберусь к корнеплоду – и есть надежда,
Что наемся. И, может быть, успокоюсь».

В этом фильме нельзя ничему случиться.
Занимай к середине поближе кресло,
Отхлебни кока-колы, возьмись за чипсы
И смотри сколько хочешь с любого места.

Неместное

Окошко предвечерней синевы.
Убогий номер старого отеля.
Мы получили всё, чего хотели,
От деловито-бешеной Москвы.

Неистово бросается во тьму
Столица засыпающей России...
Сегодня ты особенно красива —
Я сам не понимаю, почему.

Дыша клубами пара, москвичи
Обходят леденеющие лужи.
Но дела нет до тех, кто там, снаружи.
Поговори со мною, не молчи.

Во имя нашей жизни кочевой
Поведай всё, что недорассказала.
Мне, как всегда, с Казанского вокзала,
А времени – всего-то ничего...

Москва внимает, галстук теребя,
И смотрит, приподняв литое веко,
На то, как два неместных человека

Твердят друг другу: «Я люблю тебя».

Не новость

Ближе к полночи сторож прошёлся по главной аллее,
На чугунных воротах поправил висячий замок,
И от факта наличия водки авансом хмелея,
Отхлебнул из горла, потому как сдержаться не мог.

На могиле уселся, почистил сушёную рыбу,
А сухарики с пивом оставить решил на потом.
И опёршись усталой спиной на гранитную глыбу,
Поделился кусочком чехони с приبلудным котом.

А когда от «Столичной» внутри у него потеплело,
Обратился к коту, «беломориной» пыхая в ночь:
«Тут, под нами лежат два истлевших от времени тела —
Раньше срока из жизни ушедшие папа и дочь.

Этот папа когда-то был в городе главным бандитом.
В девяностые годы застрелен – такие дела...
И девчонка жестоко была вместе с папой убита.
Ей трёх лет не исполнилось даже, когда умерла.

Знаю, Барсик, что ты не поверишь в досужие бредни,
И на кладбище всякому мнится, мол, мы не одни,
Но гнетёт ощущение, будто их видел намедни...
Будто где-то всё время поблизости ходят они...».

Ночь была хороша. Пахли мёдом цветущие липы,
Стрекотали сверчки, пели птицы, шуршала трава.
Кот расширил зрачки, на мгновенье отвлекшись от рыбы:
У могилы возникли в мерцании два существа.

Импозантный мужчина по лысине сторожа гладил,
Что-то тихо шептал и всё время смотрел на часы,
А двухлетняя девочка в кукольном пышном наряде
Безуспешно пыталась кота ущипнуть за усы.

Кот доел, облизнулся и медленно вытянул спину.
Для него эти мёртвые люди не новость давно.
Не накормят, как их ни проси, но и камень не кинут.
В нашем сумрачном мире такого народа полно...

Пьяный сторож внезапно расплакался. Детская ручка
За вспотевшую шею неловко его обняла.
И поняв, что добавки сегодня уже не получит,
Кот ушёл в темноту по своим полуночным делам.

Прогноз погоды на завтра

Корнеев, сволочь, объясни, какого
Ты до сих пор не выехал из Пскова,
И не звонишь мне, лживое тепло?!
Какой занос? Причём тут гололёды?!
Да я ж сама пишу прогноз погоды —
У вас сегодня сухо и тепло!

Корнеев, ты подонок и зараза!
С утра не брал трубу четыре раза!
Постой, ты что же – пьян?! Какой кефир?!
Ты с кем там квасишь? С Аллой из пивбара?
Не ври – я знаю всё про эту шмару!
Пошел ты к чёрту! У меня эфир!

...И, сука, о погоде в Петербурге:
Дожди, снега, туманы, вьюги, пурги,
Давленья нет – разбился ртутный столб.
С залива шторм, на Ладоге торнадо,
Да ну вас в пень... Мне что, всех больше надо?!
Днём -30, вечером +100.

Примерка

Сколько всё же в мире нашем
Шарлатанства и обмана —
На работе, в школе, в семьях,
В передачах на TV!
Врут и не краснеют даже!
Говорят, что ложь гуманна,
Потому как во спасенье —
Ради счастья и любви.

Только всё же было б лучше
Вместо лжи услышать правду!
Ложь вредна натуре тонкой —
Это ясно и ежу.
Ну, конечно, это Gucci!
А еще примерьте Prada.
Становитесь на картонку —
Я вам шторку подержу.

Пелагея и Ездец*

«Пелагея, беги накрывай на стол,
Всё, что было в печи – на него мечи.
Ой, не время в носу ковырять перстом!
По сусекам скреби, доставай харчи —

Расстегай, кулебяку и холодец.
Да смотри, не забудь о хмельном вине!
Епифан говорит, мол, пришёл Ездец —
Без коня, без кольчуги и весь в говне.

Видно, было несладко в чужом краю —
Затупился его боевой топор.
Он ходил за бугор попирать Змею,
Но пока не понять, кто кого попёр.

Полупьяный, небритый, голодный, злой,
Отменил заседание и парад,
И сказал: «Вам, ребята, не повезло —
Замордую проверками Китежград».

Пелагея, кокошник надень скорей,
Басурманской помадой накрась уста.
Ездеца напои, накорми, согрей
И потрогать за всякие дай места!».

Как прошёл званый ужин, не можно знать —
Дверь была изнутри заперта ключом.
Но из форточки слышали чернь и знать
То ль «не бей, пощади», то ль «ещё, ещё».

Но подробности эти на кой нам хер?
Мы же верим – Добро победит в конце...
С этих пор Китежград принял новый герб —
Пелагея с вожжами на Ездеце.

*Ездец... представляет собой «серебряного всадника
в синем плаще на серебряном коне, поражающего
серебряным копьём чёрного опрокинутого навзничь
и попрунного конём змея».

Одноклассник

Мой одноклассник был дурак
И остается дураком.
Учился в школе кое-как,
И с мыслью Канта незнаком.

И Фейербаха не читал,
И Гегель для него никто.
Он щупал баб, любил «металл»
И финский нож носил в пальто.

И он, из армии придя,
Кутил, как все его дружки.
А я ходил не по бл... ям,
А в философские кружки.

Я не имел игральных карт
И не знавал портвейна вкус.
Платон, Спиноза и Декарт
Мне указали жизни курс.

Я развиваю интеллект,
Игра ума меня манит.
С тех пор прошло немало лет.
Он стал богат и знаменит,

Вокруг него скандальный шум,
И баб полна его кровать.
А я сижу, статьи пишу,
Не знаю, ум куда девать.

Остановка

На проспекте многолюдном,
Между курток и плащей,
Постигается подспудно
Сущий смысл простых вещей.

В ожидании трамвая
Видишь жизни круговерть —
Ту, в которой всё бывает,
В том числе, любовь и смерть.

На обычной остановке
Обсуждают ерунду
Про погоду, про обновки,
Про кредиты, про еду.

Кто-то зол, что был обманут,
Кто-то хвалится, лучась,
И никто не строит планы
Быть убитым через час.

Зуб болит, с детьми морока,
Нет зарплаты до среды...
Все, что умерли до срока,
Жили так же, как и ты.

Смерть случается внезапно.
Мир бывает очень лют.
Что бы ни свершилось завтра,
Знай, что я тебя люблю.

Синдерелла

...а после замужества Золушки автор уснул,
И сказке на смену пришли многотрудные будни:
Король на «восьмёрке» гоняет тайком в Долгопрудный
И ловит в канале леща с судаком на блесну.

Опасно на пенсии думать о новой войне...
Не лучше ль на утренней зорьке покуривать трубку,
Чем в здравом рассудке в дворцовую лезть мясорубку
И драться за тёплое место в Кремлёвской стене?

Для Мачехи нелегитимный Король не указ:
Прошла от компартии, смачно целует иконы,
И в Думе про вред мастурбации пишет законы,
Стремясь убереечь дочерей от невинных проказ.

Да разве ж у дочек проказы? Давно на поток
Поставлено дело на трассе. Томятся клиенты —
Вахтёры, актёры, монтёры, лифтёры Ташкента
И в полном составе 17-й танковый полк.

Лесник, в дегустации яблочных вин преуспев,
Прописку в столице сменил на Рязанскую область,
И в голос кляня человечью нечуткость и подлость,
Стихи про берёзки читает в пивных нараспев.

У Феи свой собственный бизнес. Идёт нелегко.
И ей, как обычно, успеть до полуночи надо,
Вот хоть ты умри, растаможить вагон рафинада,
Который в 00.01 превращается в кокс.

Лысеющий Принц, от похмелья и страсти дрожа,
Забил на супружество, должность и прочую ересь —
На даче в Заречье таскает из погреба херес
И в папиной спальне ласкает подростка-пажа.

А что там у Золушки в сердце – про это молчок.
Весь день в интернете. Теперь её ник Синдерелла.
Арабы и турки достали. Увы, постарела.
И где-то меж рюмок в серванте ее башмачок.

Спи, автор. А если проснёшься, то снова ложись.
Подбрось перед сном уголька в неостывшую печку.
А Кучер на тыкве с мигалкой пусть гонит по встрече —
Он лучше тебя понимает реальную жизнь.

Снаружи и внутри

Широких взглядов. Крутого нрава.
Эффектна, будто сошла с обложки.
Её сужденья – потоки лавы.
Её движенья – походка кошки.

Раз так сказала, то так и будет —
К чему сомненьям искать причины?
С ней осторожны в беседах люди,
А пуще прочих скромны мужчины —

Она любого отбреет твёрдо
Английским fuck you и русским «на... й».
А слишком наглым способна в морду
Или в промежность влить с размаху.

Она упряма. Она свободна.
Неподцензурна. Неподконтрольна.
Круг посторонних считает: «Вот он —
Блестящий образ из жизни вольной!

Шальные мысли в красивом теле.
Не остановишь – летит как птица!
Вот нам бы так же...». А что на деле?
Ну, а на деле она боится.

Она боится всего и всюду:
Не только сплетен и насекомых —
Шагов в подъезде, адептов вуду,
Коллег с работы, друзей, знакомых,

Раскатов грома, затмения солнца...
И в тёмном доме ей очень страшно,
Что он исчезнет. Что он вернётся.
И что не будет, как было раньше.

Вот он – напротив сидит... В стаканы
Вино налито. В тарелке – пицца.
Похлеще СПИДа и тараканов
Она боится в него влюбиться.

Душа поэта

Когда поэт кричит: «Пишу душой!»,
То в переводе
Звучит: «Я не способен хорошо
Писать – увы, умелец небольшой...
Однако ж, вроде,

Мы все здесь невеликого ума,
Со вкусом низким...
Что, вами не написано дерьма?
Так будьте ж снисходительны весьма
К моим запискам!

Пусть я не понимаю ни шиша
В хорях ваших,
Но оцените! Это же – Душа!
Она, стихи пися (или пиша?),
Поёт и пляшет!».

Поэт трясёт душой едва живой
Ретиво, страстно.
Но от его стихов хоть волком вой —
Он явно сочинял не головой,
А чем, неясно.

Душа поэту очень дорога —

Чиста, красива.

Но если не выходит ни фига,

То ни душа, ни левая нога

Помочь не в силах.

Конъюнктура

В подвальном магазине тётя Шура,
За кассу встав, рассказывала мне:
«Такая нынче рынка конъюнктура,
Что святость и порок в одной цене.

На дальней полке совесть залежалась —
Нет спроса. Предложения полно.
Увы, до донца вычерпана жалость,
И нет уже доверия давно,

А если завезут, толкну едва ли...
Зато корысть берут, как калачи.
Вчера по скидкам мудрость продавали,
Но мудрость не пошла – на вкус горчит...

В достатке лицемерия и лести,
А искренность опять не завезли.
Осталось на развес немного чести —
Который год валяется в пыли...

Распроданы наивные надежды —
Кому они вообще ещё нужны?
А вера в дефиците, как и прежде,
Но я тебе отдам за полцены...

Нет на сегодня новых поступлений —
На той неделе заходи, милоч.
Зато мешками с завистью и ленью
Завален склад под самый потолок.

И к ненависти можешь приобщиться —
Уходит споро! Взвесить полкило?». .
Но я ответил доброй продавщице:
«Боюсь, тебе со мной не повезло.

Продуктов в магазине много нужных,
Но денег нет на роскошь – се ля ви...
Пожалуй, обойдусь кусочком дружбы
И запотевшей рюмочкой любви».

Отлучение

Ты сетуешь горько – всесильный Бог
Не внимлет горячей твоей молитве
И знака в ответ не даёт. А мог
Тебя поддержать в справедливой битве

Святого добра с неуёмным злом,
Мог силы придать на пути к победе,
Предателей подлых связать узлом,
Склонить и заставить за всё ответить.

Увы, не карает его рука
Обидчиков лютых мечом булатным —
Никто не посмел помешать врагам
Тебя сапогами топтать злорадно.

Ты яростно шепчешь: «Господь, порви
Неистовых недругов, коих много!».
И мир захлебнётся в своей крови,
Как только молитва дойдёт до Бога.

И вряд ли кто выживет в той войне,
Которую ты призываешь свыше.
Но живы пока. И я рад вполне,
Что Бог отлучился и нас не слышит.

Памятка

Готовишься к раю? На входе с собой имей
Jim Beam, Harley-Davidson, Durex... Но всё ж поверь:
Во всяком эдеме есть тайно стучащий змей
И тот, кто однажды укажет тебе на дверь.

Готовишься вечно дымиться в огне печи?
Готовься, но помни, лелея свою печаль:
Во всяком аду есть подсобка, бушлат, ключи,
Ночные беседы и с сахаром чёрный чай.

Болотная сага

Жаба сидела на рельсах. Жаба грустила о прошлом.
Влажные губы жевали мелкий фрагмент стрекозы.
Выйти из жёсткого стресса и размышлять о хорошем
Жабе в ночи не давали всполохи дальней грозы.

Таяли звёзды на небе, пухли чернильные тучи,
Шпалы пестрели от капель, ветры вселяли хандру.
Жаба страдала: «Ах, мне бы жить хоть немножечко
лучше —
Мне бы болото без цапель и пожирней мошкару.

Мне бы без лишней печали помнить про юности годы...
Грустную дарит картину памяти горькая сладость —
Как мужика повстречала, как позабыла про гордость,
И на перине из тины с жаром ему отдалась...».

Билось полночи в экстазе жабье упругое тело...
Утром он молвил устало: «Ну, прощевай до поры».
После порочащей связи разом она залетела
И по весне наметала полкилограмма икры.

В рельсах на миг отразилось молнии белое жало,
И, облака разрывая, грянула в небе гроза.
Жаба вздохнула бессильно, и по щеке побежала

То ли вода дождевая, то ли скупая слеза.

Только вот плакать не надо – хуже есть беды на свете...
Плюнь на житейские драмы, прыгай по жизни, любя.
Главная в мире отрада – это, конечно же, дети.
Ты же счастливая мама – их сотни штук у тебя.

Будешь погожей порою с ними на солнышке греться,
Будешь от быта простого радость труда получать.
Это – во-первых. Второе: ты б не сидела на рельсах —
Роль героини Толстого грех принимать сгоряча.

Радуйся, жизни внимая: мух со стрекозами лопай,
Смену расти молодую – вскоре отступит беда.
А мужика мы поймаем, вставим соломинку в попу
И хорошенько надует, чтоб не шалил никогда.

Антракт

Что это значит – после сорока?
Ну, как бы это объяснить по-русски
(Давай возьмем бутылку коньяка
И что-нибудь попроще из закуски)...

Конечно, это повод для тоски
(Порежь лимон, да только в глаз не брызни) —
Живот мешает завязать шнурки,
А личный опыт – радоваться жизни.

Но есть и плюсы (кушай колбасу) —
Жилье, авто, манто, коньяк в бутылке.
В конце концов, есть волосы в носу —
Они уже длинней, чем на затылке.

Но что-то явно выдохлось в крови,
То, что когда-то нас рвало на части —
И алкоголь уже не признак счастья,
И секс, увы, не повод для любви.

А так все, безусловно, хорошо —
Песок пока не сыплется из *опы,
Да и портрет терпим без «фотошопа»...
Ну ладно, допивай, а я пошел

Разглядывать лепнину потолка
В утробе театрального буфета
И в ожидании третьего звонка
Дожевывать последнюю конфету.

Последний танец

Нарисуй обречённость тушью,
Наведи откровенный глянец.
И цепочку надень на душу —
Мы станцуем последний танец.

Нынче платье пусть будет красным.
Для кого-то, наверно, пошло,
А для нас этот цвет прекрасно
Всё расскажет о нашем прошлом.

Отголоски пропетых песен —
Ожерелья, браслеты, кольца...
Но сегодня надень лишь перстень —
Он сияет сгоревшим солнцем.

Чёрный камень прекрасной даме
К цвету глаз так идёт удачно...
И цепочка... На ней годами
Я водил тебя, как собачку,

По горящим любви проспектам,
По проулкам отвратной страсти...
Вряд ли можно забыть про это.
В силу танцем мне данной власти,

Я прижму тебя крепко к телу
И тихонько шепну на ухо:
«Всё проехало, пролетело —
Расставанья, измены, шлюхи,

Бритвы, дозы, таблетки, вены...
Жизнь – как битая в хлам машина.
Ничего не спасти, наверно.
Но мы, всё-таки, жили. Жили!

Да, я знаю, что нет возврата —
Нет назад никакой дороги.
Но давай, как давно когда-то,
В такт мелодии двигать ноги,

И ладонями трогать плечи,
И губами касаться шеи...
Пусть сегодняшний станет вечер
Антидотом от искушенья.

Пусть зарницами небо брызнет.
Пусть светлей на секунду станет.
На костях нашей мёртвой жизни
Мы станцуем последний танец.

Стихийное бедствие

Чернело небо, и к обеду
Замолкли пеночки в саду.
Гусько смотрел «Спартак» – «Торпедо»,
Когда почувствовал беду.

Он сразу понял – всё серьезно,
И в пиво уронил бычок,
Когда случился первый, грозный,
Катастрофический толчок.

Тряслись шкафы. Звеня, посуда
Летела на пол со стола —
Стихия страшная повсюду
С собой развал и тлен несла.

Горячей лавы отблеск красный
Отрезал к выходу пути.
Гусько дрожал, и было ясно:
От разрушений не уйти.

Вот перед ним разверзлась бездна —
И глубоко, и широко...
«Спротивляться бесполезно» —
Подумал опытный Гусько.

Прогрохотало по квартире:
«Подлец! Я жду, едрёна вошь,
Четыре месяца – четыре! —
Когда ты полку соберёшь!

Всё, что ты можешь – врать красиво,
Лентяй, брехун и балабол!
Опять в субботу хлещешь пиво
И смотришь долбаный футбол!

Вот погоди – намылю холку...».
Гусько забрался под кровать
И стал искать коробку с полкой,
Решив пока не наливать.

Пустота

Старец размахивал грязным перстом,
Мудрые мысли твердя о судьбе:
«Много на свете есть разных пустот.
Каждый под стать выбирает себе.

И заполняет свой вакуум
Чем-то весомым и знаковым.

Есть пустота от ленивой души,
От предпочтения жить как во сне.
Чтобы насытить её, хороши
Будут любые продукты извне —

Щёлкают пультами зрители,
Ищут свои наполнители.

Есть пустота, если рядом с тобой
Самые нужные, нежные – те,
Что без сомнений пошлют на убой
Друга и брата. В такой пустоте

Кроме тоски и бессонницы
Сердце ничем не заполнится.

Есть и другая, мой друг, пустота —
Та, где любые понятны пути,
Та, где сквозь сложность видна простота.
Но до неё бы ещё дорасти...

Ты для себя сотворишь её —
Просто избавься от лишнего.

Трудно избавиться – знаю, беда!
Но унывать не пристало в беде!
Ты это лишнее мне передай —
Я-то уж в курсе, куда его деть».

И подавали прохожие
Мелочь бомжу дряблокожему.

Зимний сказочник

Запорошена снегом земная кора.
Темнота торжествует победу.
В самый раз разговоры вести до утра —
Благо, ночь наступает к обеду.

У январской пурги неуёмная прыть.
Наливай свежесваренный кофе.
С детских лет ты мечтала уметь говорить.
Он – давно в декламации профи:

«Ну, с чего мы начнём? С отношенья полов?
С положенья покинутых женщин?».
Очень много на свете искусственных слов —
Настоящих значительно меньше.

Но любые слова, как сквозь пальцы вода,
Утекают в пространство без дела.
«Извини, но кофейная эта бурда
Мне изрядно уже надоела.

Невдомёк мой намёк? Не стесняйся, спроси —
Что нам толку с беседы короткой?
Мы продолжим её. А она на Руси
Испокон продлевается водкой.

Ну, давай, доставай – уж налью-то я сам...
Так о чём я, скажи-ка на милость?...
Вспомнил! Много такого, что нам, мудрецам,
Никогда б в страшном сне не приснилось!

Ни с того, ни с сего вдруг получишь пинок
От какой-нибудь пакостной мрази...
Кстати, милочка, я, как и ты, одинок.
Не пора ли нам слиться в экстазе?

Для тебя мне не жаль поэтических слов!
Я не то, что другие, я круче!.
Знаешь, много на свете вонючих козлов...». .
«Знаю. Ты из них – самый вонючий».

Исполнение желаний – дай Бог, чтоб на треть.
Остальное – никчёмные страсти.
С детских лет ты мечтала суметь умереть.
Он – давно в умерщвлении мастер.

Где же ты?

Жалко, глупо и неловко...
Обессиленный, стою
Не под бельевой верёвкой,
Но у бездны на краю.

И мозги не стоит пудрить,
Если в дом пришла беда —
Этот мир сегодня утром
Изменился навсегда.

Уж не быть таким, как прежде
Средь житейской суеты...
Сердце стонет: где же, где же,
Где же, где же, где же ты?

Жизнь разбита. Всё пропало.
Впереди – лишь тлен и хлам.
Пары нет. Распалась пара.
И судьба – напополам...

Ни к чему теперь карьера,
Деньги, тачки и вино,
Если нет любви и веры,
И судьбой предрешено

Потерять навек надежду...
Кровь толчками бьет в висок...
Я раздавлен: где же, где же,
Где же ты, второй носок?!

Происшествие на мосту

Над городом мчались осенние тучи,
Во тьме за верстой покрывая версту,
А Саша под ветра напором могучим
С тяжёлым портфелем стоял на мосту.

Фасады сияли вечерним свеченьем,
В реке отражаясь, блистали дворцы,
А Саша прощальные слал сообщенья
(Так рвут пуповину! Так рубят концы!):

«Окончена жизнь. До свиданья, Евгений...
Ну, кто ж тебя дёрнул сболтнуть на миру,
Что стих мой бездарен, что я, мол, не гений?
Посмотрим, что скажешь, когда я умру...».

И дальше: «Адъос, луноликакая Неля...
Увы, не написан наш с Вами сонет...
Мы в поисках света, конца и тоннеля
Нашли лишь конец. А тоннеля всё нет...».

И после: «Прощайте, Аркадий Романыч,
Ничтожный завскладом, жестокий сатрап!
Уже разгружать не припашете на ночь
Меня... И не ждите на месте с утра!».

Отправил, воскликнул: «Я вам не фуфлыжник!»,
Платком повлажневшие вытер глаза,
Достал из портфеля гранитный булыжник
И галстуком к шее его привязал.

Рука на перилах... Ревущей ракетой
Вся жизнь промелькнула в шальной голове...
И мигом исчез огонёк сигареты
В холодной, бурлящей, зовущей Неве...

Но тут набежали, но тут налетели,
Скрутили его по рукам и ногам...
Аркадий Романыч, Евгений и Неля,
Молитесь своим бестолковым богам,

Что нету за Сашу бояться причины,
Поскольку, согласно народной молве,
Он вызвал заранее к месту кончины
Полицию, «Скорую» и НТВ.

Оборотни

Опустится ночь, загнусавят сирены
И граждане станут тихи и смиренны.
Луна округлится, сияя как лампа,
Когда мы очнёмся и встанем на лапы.

Незванные гости – лишь кожа да кости,
Но вздыбятся спины подшёрстком и остью,
Когда мы с тобою, одни из немногих,
Пойдём по пахучему следу двуногих

Хозяев жилищ из бетона и камня.
Исследуя качество плоти клыками,
Мы скажем друг другу: «Смотри-ка – живое...»,
И город проснётся от крика и воя.

Промчатся дворами две серые тени,
Усталых жильцов поднимая с постели.
И будут в потёмках дрожать горожане,
Как раньше ещё никогда не дрожали.

Но утро ударит косыми лучами,
И мы предадимся рассветной печали.
Ты сыто оскалишься: «Ночь на исходе».
И я, облизнувшись, добавлю: «Уходим».

Слепящий огонь подкрадётся с востока,
И мы обернёмся в мгновение ока —
Наденем костюмы, обуемся в боты
И вместе со всеми пойдём на работу.

Там, в мире дневном, беспощадны и люты,
Нас будут терзать настоящие люди —
Вгрызаясь в подкорку, урча и рыгая...
А что тут такого? Терпи, дорогая.

Скуля от нападок натравленной крали,
Цеди: «Что ж мы раньше тебя не сожрали?».
Зализывай раны – природа-шалунья
Подарит ещё не одно полнолуние.

Брюссельский вопрос

На клумбе цветут настурции,
За домом шумят акации,
Жена с сучкорезом бегаёт
В тенистом моём саду.
А я озабочен Турцией,
Немного расстроен Францией,
И в атласе мира Бельгию
Всё мучаюсь, не найду,

Поскольку, подлюка, мелкая,
Как клоп. И вонючка та ещё
(Фу, что-то сегодня химией
Смердит, что аж ест глаза).
И я бы вот эту Бельгию
За натовское пристанище
И за непорочность мнимую
Безжалостно наказал.

Скажите брюссельским ястребам,
Мол, дело небезопасное —
Ругаться и лупить бельмами.
Есть риск огрести сполна!
Политика наша ясная:
Надавим на кнопку красную —

И где, извините, Бельгия?
Была ли вообще она?

Ну, что за козявка дерзкая?
Ей правила, что ль, не писаны
(Опять завоняло трупами...
Прикрою-ка я окно)?
Эх, бытность моя имперская...
Шесть соток в деревне Писино
На фоне пейзажа с трубами
Завода «Химволокно»...

Махну полстакана беленькой,
Прикрою пузырь изданием,
Ореха сожру мускатного,
А то, не дай бог, спалюсь.
Ну, в общем, всё ясно с Бельгией.
Чуть позже возьмусь за Данию.
А нынче пора к секатору.
«Чего? Да иду я, Люсь!».

СтеклЯнный ангел

В дверном проёме он держался косо.
По виду – будто спал чёрт знает где.
Усталый тролль, опёршийся на посох.
Корейская морковка в бороде.

Дохнул сивухой, бросил папиросу:
«Морская, дом 1, квартира б?
Заказывали Дедушку Мороза?
Ну, поздравляю – это я и есть...

Такой дубак – хоть пей незамерзайку...
Снегурка, стерва, с Бэтменом ушла...
Чуть погоди с напитками, хозяйка —
Сначала надо порешать дела.

В подарок что? СтеклЯнный ангелочек?
Давай, я положу его в мешок...
А вот теперь, поскольку дело к ночи,
И рюмку тЯпнуть было б хорошо!

Не стоит предлагать сухие вина —
Дай бог, чтоб на коньяк хватало сил...
Ребёнка кличут Эмма... или Инна...
Постой-ка, вспомню сам! Эммануил!

Такое имя нынче встретишь редко...
Дитя! Покуда к музам пыл не стих,
Немедля полезай на табуретку —
Прочти дедуле выученный стих!

Да только побыстрей – ей-Богу, тяжко...
Прочтёшь – и я домой во весь опор...».
Под красной шубой почесал тельняшку
И рукавицей бороду подпёр.

Эммануил, в костюме зайца стоя,
Неторопливо начал свой рассказ —
Что выходить из комнаты не стоит,
Что жизнь увечит каждого из нас,

Что шаг вовне порадует не шибко,
И всё, что нужно нам – стена и стул.
Что вряд ли надо совершать ошибку —
Нам не постичь пространства пустоту...

Глазами увлажнёнными мигая,
Гость прошептал: «Так это ж про меня...
Не мы такие – просто жизнь такая...
Да и не жизнь, а полная херня...

Ничтожный образ – борода из ваты!
Я – ржавчиной разъеденный металл.
Ты не поверишь – а ведь я когда-то

По сопромату лекции читал...».

На улице он без сомнений стукнул
Прохожего подвыпившего в нос:
«Не вздумай повторить ещё раз, сука!
Я никакой тебе не Дед Мороз!

Не смей так называть меня, скотина!
Я не Хеллбой, не Человек-паук,
Не Свинка Пеппа и не Буратино!
Я кандидат технических наук!».

Потом они на лестнице сидели —
Он коньяком прохожего поил
И слушал заунывный вой метели...
А в тёплом доме спал Эммануил

И видел сон, свернувшись на кушетке,
Как Дед Мороз бредёт, пургой гоним...
Стеклянный ангел на еловой ветке
Поблёскивал загадочно над ним.

Роман

Ты догрызаешь кочерыжку,
Шинкуешь лук
И мне поваренную книжку
Читаешь вслух.

А как насчет духовной пищи,
Мадам Гурман?
Давай с тобой роман напишем
Про наш роман.

Про то, как мы гуляли в Сочи
Совсем одни,
Как вместе проводили ночи
И даже дни.

Жаль, романтического вальса
Окончен срок,
И наш роман упаковался
В шестнадцать строк.

И на душе легко и пусто —
Покой и лад...
Да, не забудь, что я с капустой
Не ем салат.

Обратная сторона немоты

Сидели ночью у избушки,
Глядели на Альдебаран.
Я бормотал тебе на ушко,
Как мучит боль сердечных ран,

Что образ твой меня волнует,
Что ты сладка, как курага...
И пересев к тебе вплотную,
В уме уже предполагал

Зарыться в груди-ноги-плечи,
Открыть ключом любви замок...
Но вдруг лишился дара речи —
Вдохнул поглубже и... замолк.

Интимный тембр, напор, харизму —
Всё загубила немота!
И лишь смотрела с укоризной
С небес далёкая звезда...

И тишины нависло бремя,
И мы молчали – я и ты...
И понимали – в это время
В стране рождаются менты.

Момент – и новый мент родится.
За ним другой, потом ещё...
Купель, хлопок по ягодицам —
И в общий строй к плечу плечо...

И ты, моих не слыша песен,
Сказала холодно: «Мерси.
Альдебаран в ночи чудесен».
И прочь умчалась на такси...

Пусть я в общении бездарность,
Неловок с дамой и т.д.,
Но где хотя бы благодарность
От руководства МВД?

Как я провёл лето

Лето вошло пеленой тополиного пуха,
Шелестом листьев, стучащим в окно мотыльком,
Тёплым асфальтом, улыбкой от уха до уха,
Ветром в подолах, загаром, ходьбой босиком,

Музыкой, звёздами, флиртом, нагретым металлом,
Пляжем, прибоем, клубникой, плющом на стене...
Неискушённое лето наивно считало,
Что преподносит презент неустанному мне.

Я осторожно воскликнул: «Чудесно! Беседку
Самое время на даче достроить уже!».
Тапочки в сетку, ключи от машины, барсетка,
Брюки, рубашка – и вот я уже в гараже.

Газу – и в офис! В прохладной в тиши кабинета
Тьму пресс-релизов успеть разослать по сети!
Так я провёл несмышлёное юное лето
(Глупое лето, тебя так легко провести!).

И наплевать, что снаружи, из шума и зноя
Лето немым мотыльком молотилось в стекло.
Снова релиз. И отчёт. И письмо заказное.
Вот и сентябрь. И плащи. И зонты. Пронесло...

Мираж

Тебя не опускали в гроб,
Не облекали в саван,
За упокой похмельный поп
Не голосил гнусаво,

И молодые мясники,
Веселые хирурги,
В твои остывшие кишки
Не погружали руки,

И полупьяная родня
Не издавала вопли,
И бабки, злобный рок кляня
И вытирая сопли,

Не поправляли кружева
На бездыханном теле...
Ведь ты пока еще жива —
Чего я, в самом деле?

Сухой остаток

Помнишь, милая, светлое прошлое,
Как сиял нам свободы маяк —
«Амаретто» блистательно пошлое
И палёный французский коньяк?

Помнишь, годы пришли постсоветские?
И везли из-за гор челноки
Незабвенные куртки турецкие
И китайские пуховики.

Помнишь, как все мы были влюблённые
В «Моторолу» размером с кирпич?
Как глазела Москва изумлённая
На Зураба уродливый китч?

Было дело... Разборки на улицах,
Повсеместные крики «налей!»,
И за доллар – аж страшно задуматься —
Шесть упитанных, жирных рублей.

Помнишь в бытность на филологическом
Ты меня позвала на пикник?
Помнишь, как я в разгуле эпическом
К жарким персям устами приник?

Птицы пели на дереве ласково,
За околицей прело жнивье.
И пылало от спирта голландского
Обожжённое сердце твоё...

Всё проходит. И милое прошлое
Поистёрлось, истлело в пыли.
Не в ходу «Моторола» хорошая —
Что уж там говорить про рубли...

Даже турки с дешёвыми куртками
Доживают последние дни.
Нет «девяток» с бандитами жуткими.
И про перси смолчу, извини.

И признаюсь, давно уж не мачо я...
По ланите скатилась слеза...
Только царь, над Москвой раскоряченный,
Бестолковые пучит глаза.

Что ж осталось от века недолгого,
Что теперь невозвратно далёк?
Церетели, Китай, филология,
Жгучий спирт и пустой кошелёк.

Живи

Плыви по водам, словно гусь,
Уйди в пустыню, как койот,
Да будь хоть жабой, но клянись,
Что эта жизнь тебя убьёт.

Взлети на небо, ляг на дно,
Твори добро, используй зло,
Но вечно помни лишь одно —
Ты смертен. Ну, не повезло.

А потому не морщи нос,
Не отводи от мира глаз
И на бессмысленный вопрос
Не говори красивых фраз.

Не траться на дешёвый понт
И на такое же вино.
И если не сорвал джекпот,
Не говори, что жизнь – говно.

Почаще думай о любви,
Пореже – о порядке цен.
И просто так живи. Живи!
Плевать, что будет там, в конце.

Эффект Моцарта

Вован, сегодня катим в ресторан.
В приличный – там не жареный баран,
Шансон и водка, а вино и свечи.
Договоримся – нынче не бузим.
Закажем Eine kleine Nachtmusik —
Пусть нам играет Моцарт в этот вечер.

На лысины напаялим парики,
Наденем треуголки и чулки,
И золотом расшитые камзолы.
И музыка волшебная Его
Нам не позволит сделать ничего,
Что привело б к привычному позору.

Сострой гримасу счастья на лице.
Ешь венский шницель, а о холодце
Забудь. И не бросай окурки в соус.
Всё, вроде, рассказал... Ах, да, ещё:
Что б ни спросили – скажешь Dankeschön.
Ну, вот теперь моя спокойна совесть...

Божественная музыка звучит,
Как будто в такт мерцанию свечи.
Официанты бегают в ливреях.

В тени портреты Габсбургов висят...
Ну что, давай ещё по пятьдесят?
Ох, чувствую, в камзолах мы упреем...

Я ж говорил – жара измучит нас!
Не надо было брать дурацкий шнапс...
Эй, где же ты, холодный вольный ветер?
А ну, лакей, пойди открой окно.
Что это значит – «не разрешено»?!
Вы что тут, охренели?! Donnerwetter!

Жжёт не по-детски Вольфганг-Амадей...
Я ненавижу чопорных людей!
Давай, Вован, берись за канделябры!
Плевать, что мы сегодня лишь вдвоём —
Мы гансов в их же логове побьём!
Да пару баб ещё возьмём за жабры!

Болят спина, и грудь, и голова...
Заплывший глаз глядит едва-едва...
Похоже, ночью очень много падал...
И нос разбит – не надо нажимать!
Что было-то вчера? Твою же мать...
Вован, я вспомнил... Вот же Моцарт падла...

Соседкино лицо

Соседку из квартиры №30 тётю Клаву
Волнует наш возвышенный роман —
Она твердит двору, что ты вокзальная шалава,
А я карманный вор и наркоман.

Чтоб счесть твоих клиентов, ей полвечера не хватит,
А я полгода, как из лагерей,
И мы с циничной громкостью скрипим своей кроватью,
Когда ночами мучаем зверей,

Поскольку (тут соседка утверждает очень веско)
Так женщины в постели не кричат!
И надо написать об этом жалобу в ЮНЕСКО
И в «Общество защиты барсучат» —

Пусть нас приговорят к четвертованию заочно,
Блудливых, извращённых подлецов!
Лица её не помню. Но одно я знаю точно —
У зависти соседкино лицо.

Не будите хомячка

Хомячок уснул – давайте тише.
Не смотрите на него с ухмылкой.
И говно бывает с кулаками
В роковые миги для страны.
Это он сейчас сопит, не слышит,
Но в момент трагический и пылкий
Хомячки становятся волками
И выходят на тропу войны.

Он уснул, а, стало быть, не нужно
За кадык его хватать ретиво.
Если хомячка бестактно тронешь,
Можешь довести и хомячка.
Вроде бы, вчера ходил на службу
И начальству в рот глядел учтиво,
А сегодня череп на шевроне
И с гранаты сорвана чека.

Люди, львы, орлы и куропатки,
Белки, дикобразы, утконосы,
Кабаны и прочие олени!
Помните завет! А он таков:
Чтобы не накликать лихорадки,
Саранчи, восстания, поноса

И других кровавых преступлений,
Не будите спящих хомячков!

После бани

Пропотею в парилке,
Окунусь в озерцо,
Отхлебну из бутылки
Грамм, пожалуй, пятьсот,

Затяну баритоном
Про мороз и коня,
И в Париже бессонном
Станет слышно меня.

И французская баба
От любви задрожит:
«Задолбали арабы.
Где ты, русский мужик?»

От полночных метаний
Не способны спасти
Ни задохлик-ботаник,
Ни плейбой-трансвестит,

Ни гламурный педрила,
Ни седой старикан...
Я бы щей наварила,
Налила бы стакан,

С богатырского тела
Сорвала бы шинель...
В дорогих лабутенах
И в белье от «Шанель»

Наслаждениям плотским
Предалась бы... Приди,
Грубый варвар в пилотке
С ППШ на груди!».

Желваками играя,
Я скажу: «Натали,
До какого же края
Вы себя довели...

Говорил же – культура
Не спасёт ни хрена.
Так и будешь, как дура,
В лабутенах одна.

Не кручинься, Наталка,
Дождись – к утру
Я приеду на танке
И тебя заберу.

Но пока на кончину
Мир себя не обрёт,
Верный путь для мужчины —

За портвейном в ларёк».

Выпью, тёщину сливу
Поломаю в сердцах,
И затихну, счастливый.
И усну в огурцах.

Тюфяк

Виталий ненавидит кока-колу,
Тяжёлый рок, водителей маршруток,
Варёный лук, реформу высшей школы,
Рекламу, голубей и проституток.

Геннадий ненавидит диктатуру,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.